

Некрополь князей Хатокшоко как несостоявшееся “место памяти” в Кабарде

Тимур Х. Алоев

За последние десятилетия в ряду гуманитарных дисциплин прочно укоренилось такое исследовательское направление как история памяти. Начатое еще в первой половине XX в. с разработок проблем коллективной памяти Морисом Хальбваксом структурирование данного исследовательского поля было успешно продолжено в конце прошлого столетия его соотечественником Пьером Нора, предложившим концепцию “мест памяти”.

Как оказалось, парадигма “мест памяти” в симбиозе с иконологической программой, разработанной в рамках искусствоведческого анализа, предельно релевантна исследованию культурного ландшафта в контексте современного правового осмысления значимости общественного достояния. Оно сводится (Конвенция Фару, 2005) к осознанию и утверждению идеи о том, что “ценность объектов и мест признается не самих по себе, а из-за тех ассоциаций, значений и опыта, которые связаны с этими объектами в обществе”.

Внимание настоящего текста сосредоточивается на одном конкретном локусе – княжеском некрополе Хатокшоко в устье реки Гунделен. Выявляется высокая аксиологическая значимость данного культурного ландшафта для традиционного контекста Кабарды и отслеживаются траектории его выведения из актуальной семантической сетки черкесов.

Становление и особенности методологии исследования проблем культурного наследия

Фигурирующее в названии текста понятие, разумеется, отсылает к терминологии прочно укоренившейся в ряду гуманитарных дисциплин истории памяти. Основоположником данного направления исследований принято считать Мориса Хальбвакса, предложившего в серии работ второй четверти прошлого века концепцию коллективной памяти. Исследовательское внимание в ней было сосредоточено не на нейрофизиологических особенностях и психологических

проявлениях функционирования памяти отдельного человека. Во главу угла ставилась необходимость осмысления памяти не как индивидуальной, частной жизни, а сквозь призму ее социального измерения, как неотъемлемой реальности общественного бытия. Постулируя данный подход, концепция апеллирует к тому обстоятельству, что ментальная, аксиологическая система координат любого более-менее стабильного сообщества опирается на определенную совокупность символов, исторических событий, мотивов и сюжетов, так или иначе локализуемых в прошлом социума. В предпринятом исследовании предполагается обратить данную теоретическую оптику на дореволюционное культурное наследие одного из северокавказских исторических регионов – Кабарду.

Само явление, концептуализированное в исходном понятии “память”, отличается текучестью, что обуславливает нестрогость и многозначность “мемориальной” терминологии (Соколова, 2013: 93). В этом плане нелишне указать, что коллективная память, обычно интерпретируемая как “общий опыт, пережитый людьми совместно” при определенном исследовательском ракурсе может трактоваться как историческая память. В этом случае следует осознавать, что речь идет не просто об инструменте позволяющем транслировать информацию о прошлом. Сущностно важным представляется взгляд на историческую память как на ключевую составляющую “самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем” (Репина, 2012: 18).

На данном этапе общепризнанным источником, подпитывающим коллективную память, является культурное наследие или в некоторых аспектах близкое к нему общественное достояние. Хотя в случае с понятием “общественное достояние” консенсус отсутствует, можно все же говорить о некоем конвенциональном его понимании как “совокупности творческих произведений”, т.е. как о культурном наследии.

Применительно к практике наследия концепция коллективной памяти получила новый импульс в изысканиях Пьера Нора. Он автор концепции “мест

памяти”, тех “мест, которые наиболее полно кристаллизуют опыт общества...”. Ввиду того, что разрабатывалась она на почве французского наследия, “Места памяти” как проект первоначально мыслился как создание “символической топологии Франции”, т.е. речь шла о подробном описании всех материальных и нематериальных мест, в которых воплотилась коллективная память”. В итоге сложилась парадигма “мест памяти”, понимаемая в широком смысле как инструмент, позволяющий создавать “символическую историю”, “историю второй степени” (Франсуа, 2011: 39).

Как бы то ни было очевидно, что концепция “мест памяти” позволила если не кардинально пересмотреть, то серьезно скорректировать подходы к проблеме сохранения культурного наследия/общественного достояния “которое, – по признанию искусствоведа Марии Силиной, – стало восприниматься гораздо шире, чем набор объектов и материальная сохранность памятника” (Силина, 2016).

Если в ряде международных документов по охране и управлению культурным наследием начиная с 1950-х гг. его расширенная трактовка не была, может быть, отчетливо выражена, то последующая эволюция понимания данного феномена очевидна. Уже Европейская конвенция о ландшафтах (2000) исходит из положения о том, что “ландшафт способствует формированию местной культуры” и что он является “ключевым условием индивидуального и социального благосостояния” и утверждает необходимость принятия особых мер “по охране, управлению и планированию ландшафтов”. Венцом осмысления наследия стала принятая Советом Европы Конвенция Фару (2005). Она, в частности, утверждает, что “ценность объектов и мест признается не самих по себе, а из-за тех ассоциаций, значений и опыта, которые связаны с этими объектами в обществе”.

Как видим, выход на такой высокий уровень правового осмысления значимости объектов культурного ландшафта происходил хоть и последовательно, но постепенно и в течение продолжительного времени. Говоря об этом, будет уместно обозначить некоторые исследовательские направления, которые также можно отнести к источникам формирования научных основ расширенного горизонта понимания затрагиваемой здесь проблематики. Речь идет о становлении на протяжении последних полутора столетий новых исследовательских подходов в двух непосредственным образом несвязанных областях знания – в географии и

искусствоведении. Для начала обратим внимание на артикулирование тривиального с точки зрения современных знаний тезиса, послужившего в свое время значимой вехой в развитии географических представлений. Сводится он к следующему без малого столетней давности наблюдению Карла О. Зауэра: “В создании окончательного облика ландшафта участвуют (1) характерные особенности природной территории и (2) формы, наложенные на природный ландшафт в результате деятельности человека, культурный ландшафт. Человек завершает формирование ландшафта” (Джеймс и Мартин, 1988: 448).

В современной литературе отмечается, что постулирование этого взгляда явилось “важным событием начальных этапов борьбы с физико-географическим детерминизмом, в ходе которой сторонники культурной географии, подчеркивавшие, что человек способен изменять и переформировывать природный ландшафт, стремились восстановить гуманистические основы географии” (Голд, 1990: 138). Однако такие интенции определенное время оставались нереализованными ввиду отсутствия интереса к символическим значениям, которые, как было установлено в последующем, играют “центральную роль в формировании образов ландшафта в сознании людей” (Голд, 1990: 146). В этой ситуации для географов стала очевидной необходимость обращения “к методам, принципиально отличным от тех, которые применяются при сциентистском анализе физических характеристик ландшафта”. Методика, выработанная в рамках иконологии – исследовательского направления в истории искусств, изучающего символические аспекты художественного произведения, оказалась релевантной запросам исследователей ландшафта. Это объясняется тем обстоятельством, что последний состоит из трех элементов: (1) “материальных осязаемых форм данной территории”, (2) “видимых процессов человеческой деятельности”, (3) а также “значений, или символов, которыми его наделяет сознание человека” (Голд, 1990: 139).

Тернарная структура семантики ландшафта, комплементарно разработанная в 1939 г. Эрвином Панофским “трехступенчатая программа интерпретации художественного произведения”, которая в свою очередь препарирует три пласта артефакта (феноменальный / фактический, значимый / выражаемый, документальный / сущностный). Согласно мнению ученых, “применительно к

изучению земной поверхности этот анализ на первичном уровне соответствует установлению географом физических характеристик различных ландшафтов. На вторичном уровне иконографическое рассмотрение подразумевает установление тех аспектов данного ландшафта, значение которых выходит за рамки простого удовлетворения лишь функциональных потребностей человека...” (Голд, 1990: 147). Значимость иконологии становится определяющей на третьем уровне исследования ландшафта, когда он соотносится с “целостной концепцией человека и его связей с природой и Богом в данных конкретных обстоятельствах местоположения” (Relph, 1973). Резюмируя значение иконологического метода, американский географ Джон Голд отмечает:

Для того чтобы проникнуть в символику ландшафта, необходимо понять главные ценностные установки и предпочтения тех людей, которые его сформировали, и тех, кто располагает образами данного ландшафта. Личностные образы ландшафта опираются на наши внутренние установки, намерения, убеждения и собственные представления о себе и о внешнем мире, а групповая топофилия уходит корнями в культуру, в рамках которой она проявляется, и в тот способ, каким в этой культуре структурируются представления о человеке и о природе. (Голд, 1990: 147).

Размышления о формировании “социомнемонической ямы” вокруг княжеского некрополя Хатокшоко

Нами уже опробована эпистемологическая рамка, формируемая совокупностью указанных подходов (Алоев et al, 2018: 165–175). Очевидным образом она обеспечивает прочную платформу для решения задач обнаружения социомнемонических провалов, выявления траекторий их образования и последующей реконструкции (и, в известной степени репрезентации) культурно-семантического наполнения конкретных ландшафтов.

В рамках настоящего текста мы сосредоточим внимание на княжеском некрополе Хатокшоко – огромном кладбище, располагавшемся в низовьях реки Гунделен. В ходе археологической экспедиции 1867 г. братья Нарышкины, ознакомившись с ландшафтом данной территории, констатировали:

Местность, начиная от аула (черкесского села Хатокшукай. – Т.А.) вплоть до впадения

реки Гунделен в Баксан, была покрыта множеством могил, означенных горами камней и местами довольно правильной формы памятниками, похожими на круглые или квадратные часовни с окнами, обращенными к Мекке и над которыми хорошо сохранились арабские надписи, относящиеся большей частью к половине прошлого столетия. Таких часовен (кабур) было особенно много при впадении реки Гунделен на левом берегу Баксана. Здесь на пространстве нескольких десятин их было до двадцати, кроме обыкновенных могильных могамметанских столбов. (Нарышкин, 1876: 328–329).

Исследовательский интерес к склеповому могильнику с тех пор характеризуется заметной устойчивостью (Отчеты Императорской археологической комиссии, 1891; Лавров, 2009: 245–246; Нечаева, 1978: 94). Благодаря зарождавшимся в начале XX в. туристическим практикам на Кавказе описанный в предыдущий период исключительно в археологических штудиях культурный ландшафт был запечатлен фотографически (Дубянский, 1911: 19).

Вид некрополя Хатокшоко на реке Гунделен (фото начало XX века)

И позднее исследователи фиксировали в устье р. Гунделен “группы каменных склепов, последнее время принадлежавших княжескому кабардинскому роду Атажукиных (Хатокшоко. – Т.А.)” (Деген-Ковалевский, 1935: 15). Символический ранг данного локуса для черкесского культурного контекста будет более понятным если обратить внимание на роль представителей владельческого клана Хатокшоко в политической истории Кабарды и значение Баксанской долины в актуальных политико-аксиологических представлениях восточных черкесов до российского завоевания страны.

Родоначальником фамилии является вышеупомянутый Хатокшуко сын Кази. В

первой половине-середине XVII в. он был соправителем (до ухода из жизни его дяди – Шогеноко Алегуко), а затем пшышхуэ (великим князем) Большой Кабарды. Его сын Кургоко – триумфатор Канжальской битвы 1708 г. Внук Магомет (Бомат) начиная с 1732 по 1763 гг. был самым влиятельным политиком в княжестве. Его наследник – Мисост уже в молодости зарекомендовал себя, по наблюдениям сторонних наблюдателей, в качестве одного из храбрейших воинов, а с началом российской агрессии в 1763 г. одним из самых упорных поборников независимости. Сын Мисоста – Асланбек и его племянник Адильгирей последовательно возглавляли черкесское Сопротивление имперской агрессии. А их младший сородич Магомет Аша (косорукий) в 30-х–40-х гг. XIX в. был самым знаменитым рыцарем по северную сторону Кавказского хребта почитаемым как среди соотечественников, так и в среде офицеров кавказского корпуса российской армии.

Значимость географического расположения княжеского некрополя в рамках индигенного сознания будет очевидной если учесть, что именно долина Баксана с прилегающими территориями до р. Чегем с начала XVIII в. выступала центральным, узловым районом Большой Кабарды – Тӡуащӡэ. Он и был Кабардой в узком смысле этого слова (по аналогии с Île-de-France вокруг Парижа или регион Hrvatska в котором расположен Загреб) (Алоев, 2015: 15–16). В конечном счете именно за князьями, удерживавшимися в этом районе в ходе внутривосточных коллизий, неизменно оставалось решающее слово в определении политического курса княжества. Данное обстоятельство позволило нам еще десятилетие назад артикулировать идеологические аспекты разгрома татарских войск у Крымских стен (“бру”) весной 1729 г. Тогда было отмечено, что в ходе той кампании “бои развернулись в политическом центре Большой Кабарды. Под угрозой оказались “ставка кабардинских князей – “Пшиков” и княжеское кладбище на р. Гунделен” (Алоев, 2009: 191). С данным тезисом консонирует суждение В.А. Фоменко, недавно посвятившего рассматриваемому здесь ландшафту отдельную статью. Автор считает, что некрополь клана Хатокшоко “состоявший из каменных мавзолеев и надгробий, являлся местной... святыней и генетически связан с расположенным на том же месте, более ранним курганным могильником XV–XVII вв.” (Фоменко, 2014: 23).

Если автор в поисках корней формирования престижного символического ранга данного ландшафта отсылает к культурному субстрату склепового могильника, мы предположим, что почитанию некрополя способствовало и другое обстоятельство. Речь идет о мнении С. Анисимова о нахождении среди могил княжеского некрополя и места упокоения “народного героя Кабарды, законодателя и вождя – Казануко Джабаго” (Анисимов, 1929: 89).

Подобная фактография позволяет говорить о безусловном пиетете, который испытывали обитатели данного района в отношении ландшафта некрополя. Согласно вышеупомянутой карте 1744 г., рассматриваемый нами ландшафт располагался между черкесскими селами “Ачабова” (Ашэбей), “Дюменева” (Думэней), “Чипчевы” (Шыпш-хьэблэ), “Гланова” (Тогьулэней), “Качмазукевы” (Кушмэзыкьуей), “Загаштевы” (Дзэгъащтэ) (Кабардино-русские отношения, 1957: 114–115). Однако последующая столетняя Кавказская война, (в ходе которой интересующий нас локус неоднократно становился ареной ожесточенных сражений с русскими войсками) и связанные с ней катаклизмы кардинально изменили ойконимический пейзаж вокруг некрополя. Вместо черкесских сел (из перечисленных выше здесь не оставалось ни одного) рядом с княжеским некрополем российская администрация в 1868 г. поселила тюркоязычных переселенцев из высокогорных районов Кабарды (Думанов 1992: 8). Новое поселение получило свое название по реке Гунделен.

Спустя многие десятилетия выдающийся кавказовед Л.И. Лавров с досадой отмечал, что “из мавзолеев у устья Гунделена, которых Нарышкин насчитал два десятка, не осталось уже ни одного” (Лавров, 2009: 246). О том, как это стало возможным сообщает другой ученый. Археолог Б.Е. Деген-Ковалевский, проводивший разведку и раскопки при строительстве Баксанской ГЭС в самом начале 1930-х гг. в опубликованном отчете сообщал о том, что “в 1925 г. наземные части склепов были разобраны жителями селения Гунделен в качестве строительного материала...” (Деген-Ковалевский, 1935: 15).

В контексте свершившейся эволюции понимания культурного наследия, когда важнейшее значение имеют не столько сами материальные объекты, но ассоциации, опыт и значения, связанные с ними, представляется очевидной невосполнимость урона от потери княжеского некрополя Хатокшоко. Вместе с тем,

невзирая на прекращение материального существования говорить об его исчезновении как культурном феномене было бы некорректно. Укорененность связанных с ними смыслов в культурном контексте населения региона позволяет говорить о них как о деактуализированном, но способном к ревитализации символическом ресурсе. С точки зрения современных международно-правовых стандартов и научных подходов к проблематике культурного наследия, воплощение такой потенции обещает не просто восстановление утраченной “символической топологии” региона, но и “регуманизацию” ландшафтов Черкесии.

Литература

- Алоев, Т.Х. (2009). Баксанская битва (у Крымских стен) 26-28 апреля 1729 года: военно-политические предпосылки и условия успешного отражения Кабардой крымской агрессии. *Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа*. Нальчик: Издательство КБИГИ, с. 183–194.
- Алоев, Т.Х. (2015). Геоконцепт “Кабардинское междуречье”: опыт топонимического описания. *Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка: материалы Международной научно-практической конференции памяти М.И. Мижаева* (пос. Нижний Архыз, 26–28 ноября 2014). Майкоп: ИП Паштов З.В, с. 15–23
- Алоев, Т.Х., Бунькова, Ю.В., Жанситов, О.А. (2018). Растекающееся беспамятство, или размышления о “местах забвения” в Кабарде. *Диалог со временем*. Вып. 65, с. 165–175.
- Анисимов С. (1929). *Кавказские Альпы*. Москва-Ленинград: Государственное изд.
- Голд Дж. (1990). *Психология и география: Основы поведенческой географии*. Москва: Прогресс.
- Деген-Ковалевский, Б.Е. (1935). Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции: Отчет о работах . Москва-Ленинград: Вып. 110. ИГАИМК, с. 11–28.
- Джеймс, П., Мартин, Дж. (1988). *Все возможные миры*. Москва: Прогресс.
- Дубянский, В.В. (1911). *На Эльбрус по Баксану*. Пятигорск: Электропеч. “Сукиасянц и Лысенко”.
- Думанов Х.М. (Составитель) (1992). Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII–XX веков. (1992). *Сборник документов*. Нальчик: Издательство “Нарт”.

- Кабардино-русские отношения (1957). *Документы и материалы в двух томах*. Т.2. Москва: Издательство АН СССР.
- Конвенция Фару (2005) [Faro Convention]. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Конвенция Фару](https://ru.wikipedia.org/wiki/Конвенция_Фару). (дата обращения – 09.05.2017).
- Лавров, Л.И. (2009). Об арабских надписях Кабардино-Балкарии. *Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев*. Нальчик: Эль-Фа.
- Нарышкин, Н. (1876). Отчет гг. Нарышкиных совершивших путешествие на Кавказ (Сванетия) с археологической целью в 1867 году. *Известия имп. Русск. Археологии*, общ. Т.VIII. Вып. 4. Спб., 1876.
- Нечаева, Л.Г. (1978). О мавзолеях Северного Кавказа. *Сборник музея антропологии и этнографии*. Вып. 34. Ленинград, с. 85–112.
- Отчеты Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг. (1891). Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук.
- Relph, E.C. *The Phenomenon of Place: An Investigation of the Experience and Identity of Places*, unpublished Ph.D. thesis, Department of Geography, University of Toronto. 1973. p. 153. Цит. по: Голд. 1990.
- Репина, Л.П. (2012). Опыт социальных кризисов в исторической памяти. *Кризисы переломных эпох в исторической памяти*. Москва: ИВИ РАН, с. 3–37.
- Соколова, М.В. (2013). Педагогика исторической памяти: границы понятия. *Ярославский педагогический вестник*. No1. Т. II., с. 92–98.
- Силина, М. (2016). Общественное достояние как травма. <http://colta.ru/articles/art/13464>. (дата обращения – 09.05.2017).
- Фоменко, В.А. (2014). Некрополь Атажукиных в устье реки Гунделен у селения Заюково. *Вестник Института Гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. Нальчик: Вып. 2 (21), с. 21–28.
- Франсуа, Э. (2011). “Места памяти” по-немецки: как писать их историю. *Империя и нация в зеркале исторической памяти*. Москва: Новое изд., с. 30–45.

Failed ‘places of memory’ or the removal of the cultural landscape of Kabarda

In the last ten years, the history of memory has become well-established as a research field in quite a number of areas of the humanities. It began already in the first half of the 20th century with the designing of problems of collective memory by Morris Halbwachs. The formation of this area of research was successfully continued by his compatriot Pierre Nora, who proposed the concept of “places of memory”.

The paradigm of “places of memory” in symbiosis with the iconological program, closely related to art criticism analysis, turned out to be most relevant to the research of cultural landscape in the context of contemporary legal comprehension of the significance of social heritage. It comes to the awareness and affirmation of the idea that “the value of the objects and places is recognized not by itself, but from those associations, meanings and experience, which are tied together with these objects in the society” (Faro Convention, 2005).

This study focuses upon one concrete locus – the princely necropolis Hatokshoko at the mouth of the river Gundelen, and the high axiological importance of this cultural landscape for the traditional context of Kabarda is revealed.